

ВИТТОРИО ЗГАРБИ

ПРОЛОГ

Не исключено, что большая часть итальянских сокровищ находится в одной области: Марке. Мы, разумеется, будем разыскивать их по всей Италии и обнаружим их следы даже в самых известных местах: Флоренции, Венеции, Риме, Неаполе. Но в Марке восторгу открытия всегда сопутствует удивление. Область Марке многолика, загадочна, неуловима. Она начинается с Урбино и заканчивается в Асколи Пичено. Она граничит с Абрुццо, Романьей, Умбрией, Лацио, Тосканой, но культурологически и психологически протянулась до самого Венето. В Марке живо все итальянское искусство. Здесь все напоминает о Рафаэле: великий художник родился в Урбино, а значит, он из Марке — не из Флоренции, не из Умбрии, не из Рима. А ведь есть еще Джотто. Он лично никак не связан с Марке, но здесь явственно ощущается его влияние: изощренное, изысканное искусство Толентино, экспрессия мастера Камподонико, дух Джотто в работах художников из Фермо и Реканати.

В Марке можно обнаружить следы всех идей и замыслов итальянской живописи — от Паоло Венециано до Тьеполо, а между ними — венецианцы Антонио и Бартоломео Виварини, Карло и Витторе Кривелли, Джованни Беллини, Тициан, Лоренцо Лотто, Тинторетто. Все они связаны с Марке, и связь эта не случайна. Здесь можно вспомнить немало трогательных историй.

Лоренцо Лотто чувствовал себя в Марке как дома: море, ветер, закаты в Чинголи, рассветы в Лорето, «пустынный холм» Леопарди в Реканати. Неблагодарная Венеция была

далеко. Но главный секрет Лотто сокрыт именно в Марке: это *Оплакивание Христа* с полиптиха из Реканати, с которого старый Никодим пристально смотрит на нас, желая рассказать что-то важное о Христе; это кошка, в испуге убегающая при появлении ангела; это второй приезд в Реканати. Анна Банти сохранила для нас свое впечатление от первого знакомства с Лотто. Она пишет о нем своему мужу Роберто Лонги как об искусном и талантливом друге: «Великолепный Лотто из муниципальной Пинакотеки, он восхитителен [...] я никогда не устану говорить о нем! Ах, этот воин с гладкими, лениво лежащими на плечах локонами, с зелеными, красными, желтыми лентами, свисающими вниз с рукавов, прямыми, как крошечные перевернутые колокольни! И ангел в переливчатых одеждах, как на работах Микеланджело, и перчатки с нарочито крошечными жемчужинами — в общем, всё! Такого чудесного Лотто я не видела никогда; похоже, Лотто был большой молодец — он был в курсе всех тенденций и мог изобразить все что угодно».

Марке — неиссякаемый источник красоты. И здесь можно увидеть не только венецианцев, для которых эта область была словно продолжением их родной лагуны. В Фабриано появился на свет Джентиле, величайший мастер интернациональной и цветущей готики, чей выдающийся талант ярче всего раскрылся во фресках венецианского Дворца дождей. Его влияние испытали на себе Пизанелло, Джамбоно, Якобелло дель Фьоре, Антонио Виварини, Антонио да Негропонте. В Сан Северино родились братья Якопо и Лоренцо Салимбени, чей художественный дар развивался параллельно таланту Джентиле. Вершиной их творческого пути стали росписи оратория Сан Джованни в Урбино — истинный шедевр, созданный, как ни удивительно, еще до появления Пьеро делла Франческа или Рафаэля. Из того же Сан Северино родом Лоренцо д'Алессандро, один из самых изысканных мастеров итальянского Возрождения. В Камерино искусней-

шие художники соперничают с великими тосканскими мастерами, с Беато Анджелико, с Филиппо Липпи, и создают свой собственный стиль, нежный, искренний и фантастичный, незаметно превращая позднюю готику в современный художественный язык, чтобы рассказывать нам сказки и сновидения: Джованни Боккати, Джироламо Ди Джованни, отчасти близкие к Пьеро делла Франческа, Перуджино, Пьер Маттео д'Амелиа, Мантенье.

И это еще не все. В Анконе под влиянием феррарских художников Франческо дель Косса, Джованни Беллини и Марко Дзоппо, которые соперничали между собой в Пезаро около 1470 г., растет один из величайших мастеров Возрождения Никола ди Маэстро Антонио д'Анкона, еще одно спрятанное сокровище, подлинное откровение. А архитектурные шедевры Джорджо да Себенико приносят в Анкону дух Венеции.

В Марке мы не ошибемся, если вместо картин и скульптур отправимся на поиски нетронутых, сохранивших свой облик городков: Монтефьоре Конка, Монтефано, Монтекассиано, Монте Сан Джусто, Монтеджорджо, Монте Видон Коррадо, Монтефьоре дель Азо. Куда бы мы ни пошли — непременно пешком, прислушиваясь к звуку собственных шагов, — повсюду нас ожидают сюрпризы, пробуждающие жажду новых впечатлений. Каждый раз мы будем заново открывать эти места. Для нас, как для Сарамыго, «путешествие не кончается никогда. Только путники уходят. [...] Нужно увидеть то, чего еще не видел, увидеть вновь то, что видел когда-то, увидеть весной то, что видел летом, увидеть днем то, что видел ночью, в лучах солнца то, что прежде было залито дождем [...]. Нужно вновь и вновь отправляться в путешествие. Всегда».

И хотя каждый может увидеть в Галерее Брера *Мадонну со свечой* Карло Кривелли, увезенную Наполеоном из Камерино, ничто не сможет сравниться с его *Марией Магдалиной* в Монтефьоре дель Азо — городке, преданно хранившем

вечно юный дух Возрождения вплоть до последней фантазии Адольфо Де Каролиса. После этого зрелища нас ждет Боккати в Бельфорте дель Кьенти. Повсюду — в Меркателло суль Метауро, в Кальи, в Арчевиа — таятся сокровища, порой совершенно неожиданные. Трудно поверить, что единственные в Италии полностью сохранившиеся футуристические интерьеры находятся в Эзанатолье: мебель, рисунки, утварь, карты, ковры работы Иво Паннаджи, у которого в этом маленьком городке был покровитель. В церквушке в Камерано мы обнаружим барельефы с портретами Карло Маратты и его жены, созданные Камилло Рускони. Кажется, нет места прекрасней, чем Герцогский дворец в Урбино, скрывающий в своих залах отражение самой сути своей собственной архитектуры — *Бичевание Христа* Пьеро делла Франческа, но в Пезаро скромно прячется самый красивый образчик итальянской архитектуры: Императорская вилла Кафельбарко Альбани; там есть все: замок, висячие сады, великолепные фрески и новая архитектура. А летом музыка Россини увлечет вас по запутанным улочкам к дому Андреа Чакки, на котором висит табличка 1775 г. (того самого, в котором Моцарт создал пять концертов для скрипки с оркестром) с надписью, причудливо соединяющей дружбу и лицемерие: «Amicis et ne paucis / pateat etiam fictis» (Этот дом «открыт для друзей и, дабы не было их слишком мало, также и для ложных друзей»).

Из Марке можно перебраться в Абрुццо на пароме из Асколи Пичено до Терамо через Чивителлу дель Тронто и Кампли — два малоизвестных, но весьма выдающихся итальянских городка. В Чивителле вас ожидает неприступная крепость на горной террасе — кажется, она и сегодня готова к обороне. Это последний бастион неаполитанских Бурбонов, пытавшихся побороть отчаянное сопротивление пьемонтцев, продолжавшееся и после формального объединения Италии: татарская пустыня на границе двух миров. В Кампли же находится святая лестница высотой в 28 ступе-

нек, подниматься по которым нужно исключительно на коленях, чтобы получить полное отпущение грехов. Во время этого испытания, глядя на картины на шести больших холстах вдоль лестницы, вы как бы заново переживаете страсти, смерть и воскресение Христа. В этих местах история сплетается с верой, вечность и прошлое соседствуют с настоящим. Сегодня мы не знаем о дальнейшей судьбе Л'Аквилы — подлинного символа скрытых сокровищ Италии, разрушенного природой и покинутого людьми. Этот город — лучшая аллегория несостоятельности и беспечного отношения к наследию, которое государство должно было бы вернуть государству. Но невероятная неповоротливость и бездействие правительства свидетельствуют об упадке, в котором находится Италия. Упадок, распад, крах, запустение, заброшенный город, пристанище призраков — вот во что превратилась Италия, вот что символизирует Л'Аквила. Однако каких-то десять лет назад неподалеку от Л'Аквилы чудесным образом возродился городок Санто Стефано ди Сессанио: были отреставрированы его дома и палаццо, восстановлен целостный исторический облик, и теперь он может служить примером для множества других городков, ныне превратившихся в руины. Этот пример — не единственный, но самый яркий и солидный. Есть и другие места, где были достигнуты впечатляющие результаты. Я имею в виду Монтегридольфо, Гаргонцу, Фильине, Соломео, Монтекальволи со своим замком, Альтомонте, Аморозу, Марсильяну. И за каждым из этих чудесных превращений стоит человек, который выполняет функции государства лучше самого государства: Даниэле Килгрэн, Альберта Ферретти, Томмазо Корси Гвиччардини, Мелисса Ульфане, Брунелло Кучинелли, Симонпьетро Салини, Костантино Беллушо, Карло Читтерио, Джорджана Корсини. Люди и города, и даже города без людей, которые сама их нищета уберегла от навязываемого извне прогресса, «устойчивого развития», обновления и перепланировки.

Есть отдаленные особо охраняемые места в Морано Калабро, Вайрано, Рокке Чиленто, Ватолле, Джунгано, Торкьяре, Пердифумо, в окрестностях Санта Мария ди Каstellабате и на острове Ликоза, в старинных деревушках Чиленто. А еще случаются настоящие открытия. Например, фрески Сант Анджело ин Формис или собор в Ананьи, с которого начинается разговор о живописи в этой книге; впрочем, первые следы нового языка — непосредственного, выразительного, сочного — стоит искать в скульптуре, начиная с работ Вилиджельмо в Модене. К тому же самому периоду относятся и первые шаги итальянского языка: «Sao ko kelle terre, per kelle fini que ki contene, trenta anni le possette parte Sancti Benedicti» («Я знаю, что эти земли, в этих границах, в течение тридцати лет принадлежат монастырю Святого Бенедикта»). В этих краях после изгнания из Рая обрабатывали землю Адам и Ева. Чуть позже мы еще увидим крестьянские работы, месяц за месяцем, в баптистерии Антелами в Парме. Только в Ферраре крестьянский труд, кажется, сохраняет толику неожиданной радости. Мастер Месяцев, работавший также и в Форли, пытается передать в своих барельефах то удовольствие, которое он сам испытывал, извлекая фигуры из камня. На дворе 1230 г., задолго до прихода реальности в живопись, еще даже не в Тоскане, а в самом сердце Паданской равнины, в Кремоне, неизвестный мастер изображает сцены из жизни Святой Агаты; имя этого мастера нам неизвестно, но какая поразительная индивидуальность и наблюдательность!

И вовсе не случайно новый тосканский живописный язык вместе с Джотто и капеллой Скровеньи на заре XIV в. приходит в Падую, а оттуда распространяется по всей Северной Италии. Этот язык, на котором заговорил Джотто, язык тела, жеста, движения, и в последующие столетия оставался универсальным языком; Джотто овладел им так мастерски, что потом ему подражали почти 100 лет. Мы немного расскажем

об этом живописце, путешествуя вместе с читателем по Тоскане и за ее пределами, а в конце века доберемся до Лоренцо Монако, позднего последователя цветущей готики. Его готика расцветет — и еще как расцветет! — и это будет ее последний сад, потому что вслед за Джотто с той же энергией, искренностью и человечностью обратится к реальной жизни юный Мазаччо и привнесет в жизнь историческую правду. После этого долгого и тернистого пути итальянская живопись наконец достигнет своего расцвета в множестве различных школ — Сассетты, Джованни ди Паоло, Беато Анджелико, Доменико Венециано, Пьеро делла Франческа. И впоследствии творческие поиски художников будут направлены на отражение действительности, которое достигнет вершины в работах Караваджо. Эта книга приглашает нас в долгое и увлекательное путешествие по всем этапам пути итальянского искусства к радостной и свободной выразительности Ренессанса, и в этом путешествии нас ожидает немало удивительных открытий.